

«ТЁМНЫЙ ВЛАДИВОСТОК»: УГОЛОВНЫЙ МИР СТАРОГО ГОРОДА (по материалам из фонда Российского государственного исторического архива Дальнего Востока)

Буяков Алексей Михайлович,
*председатель Приморского краевого
отделения Всероссийской общественной
организации «Русское географическое
общество» – Общества изучения
Амурского края (ОИАК)*

*Автор 15 книг, в том числе в
соавторстве, более 70 научных
публикаций в отечественных и зарубежных изданиях, свыше 150
статей в периодических изданиях по вопросам истории
Владивостока, Приморского края и Тихоокеанского флота,
русского зарубежья. Награжден Почетной грамотой РГО (2008),
другими наградами.*

«Тёмный Владивосток» – так должен был называться криминальный роман одного из журналистов газеты «Дальний Восток» – Луговского. Он собирался написать его в 1907 году, и в одном из путеводителей по Приморской области был дан небольшой анонс, в котором говорилось, что в следующем году выйдет роман, который будет описывать теневую сторону жизни портового города. Но нигде в библиотеках, как бы я не интересовался, ни в Москве, ни здесь, ни за границей книги с таким названием этого автора не нашёл. Судьба Луговского неизвестна. Попытка найти в архиве информацию, а там она есть, практически, обо всех журналистах, тоже показала, что о нём ничего не известно. Поэтому данное небольшое исследование – попытка восстановить то, о чём он мог и хотел писать...

Владивосток того времени – это, что ни день, то происшествие, событие. И, прежде всего, конечно, из мира

уголовной хроники. Иногда можно проводить какие-то параллели с современностью, говоря о том, что всё в истории повторяется как трагедия, как фарс или как комедия.

Что собой представлял Владивосток как военный пост, а затем город? Он был основан в 1860 году. Сохранились фотографии, где запечатлены постройки города на начальном этапе его развития. В тот период времени наряду со служивым людом, тем, который волею судьбы приходил на кораблях российского императорского флота, и с сухопутными офицерами и солдатами, которые тоже прибывали на кораблях или пешком, сюда начали прибывать и те, кого можно назвать коммерсантами. Они стали проявлять интерес к новой незаселенной окраине России, потому что программа правительства была понятна – надо было начинать развивать эти дальневосточные земли, и, в частности, сделать из них оплот России на берегах Тихого океана. Тогда наш город ещё не был ни центром Приморской области, ни базой Сибирской флотилии. Военным и деловым тогда был Николаевск-на-Амуре, потому что там находилась база Сибирской флотилии, располагалось управление уже созданной Приморской области, и там же был центр торговой жизни. Административно-территориальное устройство Приморской области к концу XIX века включала в себя территорию нынешнего Приморского края, Хабаровского края, Магаданской области, Камчатского края и Сахалина. Вся эта территория с населявшими ее людьми управлялась из Владивостока. Но ещё в 1884 году была создана другая военно-административная единица – Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске, в которую входили Приморская, Амурская и Забайкальская области. То есть власть во Владивостоке, что до революции, что сейчас, замыкается фактически на двух лиц: есть её полномочный представитель, а тогда – Приамурский генерал-губернатор, и есть Приморский

военный губернатор, который обладал всей полнотой власти. В наше время только губернаторы обладают ею на своей территории. Развитие экономической жизни Приморья и Владивостока, действительно, привлекало определённое внимание не только купечества и разного торгового люда, но и тех, кто хотел здесь подзаработать себе капитал иными средствами.

Прежде всего, в Приморье искали себе убежище беглые китайские солдаты, входившие в местные шайки хунхузов. Кроме того, находили приют различного рода авантюристы, которые хотели пожить за счёт тех, кто приехал строить и развивать новую базу Сибирской флотилии. А она с 1872 года стала именно базой: её перевели сюда из Николаевска-на-Амуре, и было уже понятно, что столицей Приморской области вскоре станет Владивосток. И он ей стал в 1888 году. Вообще Владивосток мог и не стать не только столицей области, но и военно-морской базой. Ведь стоял вопрос по поводу переноса базы Сибирской флотилии из Николаевска в бухту Новгородскую – рядом с Посъетом, там, вообще, можно было строить незамерзающий порт. Минусом Владивостока с его заливами было то, что в зимний период Золотой Рог замерзал, поэтому были определённые неудобства, связанные с каждодневной деятельностью торгового и военного флотов. Но несмотря на это пост, а затем военно-морская база и город Владивосток постепенно рос и развивался.

В 1864 году военное командование озаботилось созданием из военнослужащих военно-полицейской силы, которая бы следила за порядком не только среди военнослужащих, но и гражданского населения. Были наряды солдат и матросов, которые во главе с офицерами осуществляли обход мест проживания и отдыха местного населения, в том числе тех или иных значных мест. Те во Владивостоке славились определёнными своими чертами: питейными и картежным заведением и зарождающимся тогда здесь бизнесом – «восточным массажем». С берегов Японии сюда прибывали на заработки, так называемые «прачки», и поначалу они действительно работали прачками. Но, как потом оказывалось, они быстро меняли этот вид деятельности на совсем иной.

Южно-Уссурийский край был богатым на природные ресурсы. С развитием Владивостока сюда начали доставлять контрабандой из Китая алкоголь типа ханшина (водки) или спирт. Естественно, пошёл и опиум. А отсюда стали вывозить в Китай медь и железо, похищенное в порту. Владивосток и ближайшие его окрестности обладали ещё и определённым запасом особого металла – золота. И очень спокойно рачительные китайцы осваивали остров Аскольд с точки зрения ведения на нём поисковых работ и самой золотодобычи. И этот золотой поток, опять же, шёл на ту сторону – на полуостров Песчаный, где несколько предприимчивых китайцев очень активно скупали всё, что плохо лежало в наших недрах или слабо охранялось на наших складах, и все это контрабандой уходило в Поднебесную. Это были первые экономические преступления, характерные для молодого развивающегося города.

Кроме этого, во Владивостоке были казнокрадство, воровство – одни из первых страниц в его криминальной истории, которые зафиксированы в специальных документальных бюллетенях – «Сводках происшествий», в виде информации со сведениями о происшествиях. Таких толстых томов с подобной информацией за всю дореволюционную историю Владивостока достаточно много. Они охватывали почти годовые периоды, к примеру, с 17 февраля 1885 года по 28 апреля 1886 года. Все отчеты хранятся в соответствующем фонде Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

В 1868 году в Приморье разразилась так называемая «Манзовская война». «Манзами» (бродягами) русские называли проживающих здесь китайцев. Местные власти, увидев бесконтрольное расхищение богатств нашего края, начали активно пресекать эту незаконную деятельность китайцев. Естественно, это вызвало бурную реакцию протеста с их стороны. Эпогеем конфликта между русскими властями и китайцами явилось изгнание с острова Аскольда китайцев, занимавшихся там добычей золота. На острове, в других населённых пунктах Приморской области и во Владивостоке китайцы подняли восстание,

КНИГА-БИБЛИОТЕКА-УЧЁНЫЙ

организовали крупный отряд, который был разбит частями русской армии. В разгроме хунхузов приняли участие и команды кораблей Сибирской флотилии из Владивостока. Эта «Манзовская война» закончилась поражением китайцев, а их бизнес – официальный и неофициальный – практически прекратил своё существование. Но всё равно подпольная добыча и скупка золота в крае продолжалась, и это стало диктовать насущную необходимость осуществлять регулярный и более правильный контроль со стороны местных властей. Для этого и создали полицейское управление. Пост Владивосток получил официально статус города в 1880 году, но чуть раньше – в 1876 году была введена должность полицмейстера – начальника городской полиции. Владивостокское городское полицейское управление было учреждено 28 апреля 1880 г. Оно, по сравнению с существующей на тот момент высокой преступностью, состояло из небольшого штата – полицмейстера, следственного пристава, двух полицейских надзирателей, секретаря, столоначальника и десяти нижних полицейских чинов (городовых) из вольнонаемных.

Владивосток. Китайцы

Для справки. На 1880 год во Владивостоке числилось жителей мужского пола 7933, женского 904, всего 8837 душ. Из них: манзов мужского пола 3256, женского 15, китайцев 200, корейцев 500, всего 3971 душ. Европейцев 4866 душ, из коих воинских чинов 3184 человек и обывателей обоего пола 1682 душ. Купцов с семьями обоего пола 40 душ, мещан 131 душ, разночинцев 1301 душ. Каторжных мужчин 20 и ссыльных женщин 190 душ.

Архивная выписка из распоряжения об учреждении городской полиции гласит: «Повелено образовать Владивостокское городское полицейское управление, т. к.

Владивосток расположен на берегах бухты Золотой Рог и Амурского залива, куда приходят много разнородных судов, большая растянутость города, чрезвычайное разнообразие жителей по национальностям, масса иностранцев, масса враждебных нам манз-китайцев. 35% жителей всего Владивостока состоит, преимущественно, из бродяг и солдат – преступников, укрывающихся здесь от кары китайских законов. Масса приезжающих на то или иное короткое время и уезжающих, отсутствие населения на полуострове Амурском... требуют особо хорошего состава полиции и значительной по численности».

Приведем некоторую статистику преступлений за 1885 года (25 лет существования Владивостока):

«23 января близ восточной части Владивостока, около Речки Объяснения в кустах найден труп неизвестного манзы. Труп был покрыт соломой, на шее – верёвочная петля и манзовская тряпка. Следствие производством не окончено».

«24 января найдено на владивостокском кладбище тело Василия Артанова. По народным признакам смерть произошла от самоубийства, посредством выстрела из ружья. Тело отправлено в анатомический театр Морского госпиталя».

«9 июля из дома жены капитана второго ранга Кирилловой через окно, оставленное открытым на ночь, украдены разные вещи на сумму 400 рублей. Часть вещей найдены в квартире манзы Сюаня, который заключён под стражу. Следствие производится».

«25 августа во Владивостоке в офицерской слободке по Второй Портовой улице в доме надворного советника Витемского из квартиры надворного советника Захаревича, из окна, денег похищено 1128 рублей и разных золотых вещей на 472 рубля».

Владивосток. Полицейское управление

«21 сентября на улице Полтавской¹ между восемью с половиной и девятью часами вечера из дома известного купца Гольденшtedта, в то время отсутствующего, был похищен трехпудовый сундук с деньгами на сумму 4462 рублей 50 копеек, с золотыми и серебряными вещами стоимостью 150 рублей и другими разными ценными бумагами, принадлежавшими купцу. Сундук на третий день найден в овраге кладбища со сломанным внутренним замком. Виновники не найдены. Сундук возвращён владельцу».

Владивосток рос и развивался, росли и совершаемые в нем преступления.

А вот одно из сообщений об убийстве за вторую половину декабря 1886 года:

«23 декабря во втором часу ночи в доме госпожи Кирилловой (интересно это была та же госпожа Кириллова, фигурирующая в сводке за 1885 год? – Авт.) убит манза Дзян Пи Сан 30 лет. Убийство совершено с целью ограбления. Тело убитого найдено на полу, нанесено 13 ран».

В ходе расследования, проведенного по свежим следам, выяснилось, что преступление совершили его друзья, которые были оперативно найдены. И вот, 19 февраля 1887 года военным губернатором был назначен военно-полевой суд, который приговорил двух китайских убийц к преданию смертной казни через повешение.

Если брать структуру происшествий, то для Владивостока, прежде всего, были характерны кражи, убийства. И ещё городу было присуще процветание проституции. С организованными публичными домами в тот период времени боролись не так активно, как с нелегальными. Владивосток развивался, разный люд приезжал, особенно рабочий, оседали бывшие ссыльно-каторжные, нужно было какое-то развлечение – вот эти развлечения и предлагались. И плюс активно открывались питейные заведения, куда поставлялся китайский спирт,

появлялись запрещенные игры. Случались в них и отравления – это особый вид преступлений. Так Владивосток жил своей особой жизнью.

Наряд военнослужащих из трёх человек – это команда, которая комплектовалась для обхода подозрительных мест и заведений. В таких местах, в киосках с надписями о продаже официальных товаров сбывались, помимо прочего, и краденые вещи, фальшивые денежные купюры и монеты. За ними нужен был глаз да глаз. Постановления городской Думы и управы первостепенное значение придавали базару, который был, как настоящее бельмо на глазу развивающегося Владивостока.

Город по тем временам считался, практически, европейским. В нём было создано всё новое фактически с нуля. Но в центральной его части возник такой вот, с сомнительной репутацией, городской базар. Поэтому в 1905 году власти приняли решение перенести базар в район современного стадиона «Динамо», в так называемый Семёновский ковш.

Владивосток. Семёновский базар

Естественно, там начали строить более современные площади и попытались построить металлические конструкции, где торговцы могли бы цивилизованно торговать своими товарами. Но

¹ в настоящем ул. Лазо.

рыночная стихия опять же захватила не только сам Семёновский базар, но и прилегающую улицу Семёновскую (ул. Колхозную). У администрации города появилась очередная проблема, поскольку как раз здесь всё и началось. В большей степени стали развиваться и убийства, и грабежи, и продажа краденого имущества. От чего хотели уйти, сделав всё более организованно, к тому и пришли в ещё больших негативных масштабах. Это различные опиекурильни, легальные и нелегальные притоны, дома терпимости. С последним явлением полиции приходилось бороться, настаивая на том, чтобы там было должное медицинское освидетельствование.

По мере развития города развивалась и преступность. Например, в ноябре 1891 года из здания Владивостокского казначейства похищена невиданная сумма – 360 тысяч рублей, выделенных на преобразование и развитие области. В то время это несколько бюджетов Владивостока. Как выяснилось, ссыльнопоселенец, некий господин Поляков, уже отбывший определённый срок на каторге и приехавший сюда на строительство Уссурийской железной дороги, где стал работать, но это его не устроило. И вот он тайно в течение всего ноября копал проход под сточную канаву, которая выходила из здания казначейства. И своего добился – похитил сумму в 360 тысяч сотенными ассигнациями. Полиция начала расследование. Кроме помощника прокурора, приставов первой и второй частей, полицейских, на территории которых находилось здание казначейства, к расследованию подключили статского советника Приморского областного правления Александра Васильевича Суханова. Это был отец известного нам сегодня Константина Суханова, будущего руководителя революционного движения на Дальнем Востоке России и председателя Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов. Следствие велось весь декабрь, а в январе 1892 года удалось выйти на след похитителя. В доме Константина Полякова сломали печь, полы и смотрели на реакцию того, у кого производили обыск. Суханов обратил внимание, что у подозреваемого бегают глаза, когда сыщики подходят к той части

дома, где у него было отхожее место. Именно там под выгребной ямой и нашли две большие банки с ассигнациями. Только небольшая часть из похищенных денег была потрачена, остальные оказались в сохранности. В 1892 году по велению императора Александра III тем, кто принимал участие в розыске похищенных денежных средств, была назначена денежная премия. Суханову – 19 тысяч рублей, приставу Кошелеву – 5 тысяч, а вот помощник прокурора – не получил ничего. Он начал писать жалобы в адрес императора, прокурора, но его так и оставили ни с чем, сказав, что надо было вопрос о своём участии в следствии поднимать раньше. Дело это стало самым громким и знаменитым в истории дореволюционного Владивостока.

Славилась притонами знаменитая Миллионка, расположенная на Семёновской, получившая свое название от стоящего там здания. На территории Фрунзенского района Владивостока и сейчас сохранился этот «миллионный» двор (дом), где были различного рода притоны – опиекурильни, банковки, небольшие тайные дома терпимости и т. д. И всё это обслуживало в основном китайское население.

Одним их характерных преступлений для Владивостока была проституция. На самый конец XIX – начало XX века в городе пришёлся пик развития японской проституции. В архиве есть целый ряд дел, посвящённых этой теме в нашем городе, по характеру национальной принадлежности, они подразделяли её на японскую, китайскую или европейскую.

В конце июня 1909 года от осведомителей была получена информация, что при известном ресторане на ул. Светланской имеется тайный публичный дом. Руководит им – заведующая оркестром, итальянская подданная Эмма Корсатти. Информация была проверена, и факт нахождения девиц, занимающихся развратом и служащих для приманки в ресторан, полностью подтвердился. Из десяти девиц оркестра, как оказалось, только четыре действительно были музыкантши, а остальные – проститутки, в том числе две – малолетние.

Японки во Владивостоке

Из статистики списка девиц лёгкого поведения в 1914 году: русских барышень числилось 79 – происходили из крестьян (из интеллигенции – считанные единицы), значительная часть в возрасте от 20 до 29 лет; китайских девушек было 32, преимущественно 16–

22 лет; самую значительную часть составляли представительницы Японии от 18 до 22 лет – их было 478. А ближе к 1917 году в городе, как сообщается в статистике, работало уже 1300 японских проституток. Война сделала актуальным во Владивостоке этот вид деятельности.

Из «тёмных страниц» Владивостока, как из песни, слов не выкинешь, относится к ним и пиратство в водах залива Петра Великого. В начале XX века в бухте Холувай (в переводе «гиблое место») на Русском острове, по данным полиции, была база пиратов. Оттуда они на своих шаландах бороздили воды залива, убивали и грабили тех, кто вёз товар из Посъета, с Песчаного или из Кореи во Владивосток.

В Семёновском ковше, где был самый рассадник преступности, полиция постоянно проводила облавы, арестовывала тех, кто сбывал краденое, иногда вплоть до рубашки с кровью убитого. Полиция, конечно, проводила определённую работу, но с пиратами бороться было бесполезно, пока нижние чины на миноносцах флотилии не стали проводить регулярные обходы вокруг острова Русский и не выставили в заливе Петра Великого специальную брандвахту, которая контролировала движение шаланд. С пиратами порядок навели, но Владивосток имел ещё массу привлекательных для уголовного мира сфер. В период Первой мировой войны это, прежде всего, получил развитие и такой вид преступлений как сбыт фальшивых

ассигнаций, серебряной и золотой монеты. В 1914 году был раскрыт ряд организованных преступных сообществ или группировок, которые имели разветвлённые связи с центральными городами Российской империи, и отсюда им поставляли различные фальшивые денежные купюры. Естественно, шёл обмен их на настоящие, и это явление в жизни города тоже нашло своё отражение в сводках полицейских протоколов.

В качестве примера приведу одну полицейскую сводку: «Владивостокским охранным отделением была разоблачена преступная группа лиц, занимающихся торговлей опиумом. За деятельностью этой группы охранное отделение наблюдало ещё с мая месяца. Группа, в которую входил ряд лиц, проживающих в Петрограде, Иркутске, Харбине и Владивостоке, занималась сбытом фальшивых денег, а также транспортировкой и сбытом в пределах России и Китая опиума».

Владивосток являлся ещё и перевалочной базой для торговли различными наркотическими веществами, в том числе кокаином, хотя он свободно продавался тогда в аптеках.

Если говорить о фактах, связанных с фальшивомонетчиками и сбытом фальшивых купюр, можно привести и такой пример из «Сводки» о происшествии за 1908 год: «Начальник Владивостокского отделения жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги донёс, что на Посъетской улице, дом № 44 им был задержан сбытчик, оказавшийся крестьянином Тамбовской губернии Петром Елиным, и при нём фальшивых билетов трёхрублёвого достоинства было найдено на сумму свыше 3 тысяч рублей. При допросе он сознался в попытке сбыть деньги неизвестному покупателю, при этом показал, что деньги принёс к нему в дом некий Павел Способин, который нашёл покупателя. Покупатель в суматохе скрылся. Следствие продолжается».

Надо подчеркнуть, что подобных фактов во Владивостоке было предостаточно. Полиция неоднократно, особенно в районе Миллионки, мастерски раскрывала подпольные производства фальшивых китайских серебряных юаней, которые до сих пор ещё

гуляют и во Владивостоке, и в самом Китае. Бралось небольшое количество серебра, смешивалось в определённых пропорциях с другими металлами, и выпускались монеты, красивые даже по весу и по звуку (он определяется, если монету слегка ударить другой – такой мелодичный, продолжающийся). Производство было налажено на Первой Речке в районе современного Кулинарного техникума, сразу за его зданием, где было несколько китайских фанз, в которых производились подобные серебряные фальшивые юани.

Улица Алеутская узнаваема на фотографиях тех лет. На ней располагалась гостиница «Ницца», в советское время перестроенная, сейчас в этом здании располагается Управление МВД РФ по Приморскому краю. И, по иронии судьбы, там как раз размещался притон, который фигурировал в сводках криминальных новостей.

В период Первой мировой войны в городе появлялись люди, которых называли «герои-любовники». Они представлялись князьями. Например, один представлялся князем Живовым или Багратионовым, другой – графом Тулузом-Лотреком. «Графья» эти «разводили» местных предпринимателей на определённые суммы. Они сообщали, что у них есть возможности организовать поставки для армии, но для этого заинтересованные бизнесмены должны были дать через них взятку определённым начальникам воинских частей. И «князь» готов был за определённую сумму оказать эту услугу. Находились желающие, которых просто обманывали, но подобный бизнес продолжался.

Чего только не происходило в городе, если судить по документам и местной прессе! Скорее всего, здесь были все виды преступлений. Приведу особо резонансное, как говорят сейчас, убийство в 1890-м году лейтенанта Руселло с французского корабля, зашедшего с официальным визитом во Владивосток. Лейтенант возвращался вечером с центра Владивостока к себе на корабль, который стоял на рейде Золотого Рога, и собирался сесть на катер. Но на корабле его так и не дождалось. А позже нашли тело лейтенанта в канаве Адмиралтейской пристани. Он был

зарезан. Для полицейских делом чести было найти убийцу офицера. Следствие шло достаточно долго, примерно, три месяца. Преступление оказалось самым банальным. Два обычных учащихся гимназии увидели вечером человека в форме и стали приставать: «Дядя, дай денег!». Тот отказал, слово за слово, и всё закончилось убийством.

В районе современной улицы Спортивной находился городской ипподром, позже, мы знаем, там был стадион Тихоокеанского флота. Ипподром тоже представлял определённую криминальную точку, где постоянно собирался люд, который случайно заработал или украл деньги. И здесь полицейские осуществляли мероприятия по поиску преступников. Почему ещё здесь даже в добрые дореволюционные времена находился полицейский пост, потому что иногда людьми проигрывались большие деньги, в том числе и казенные, и они даже стрелялись тут же, на трибунах. Поэтому надзор полиции в дореволюционной России за этим местом, как и за Семёновским базаром, притонами и прочими злачными местами, был серьёзным.

Владивосток. Ипподром

Станционный жандарм

Пусть Владивосток был в те времена и небольшой город, но это транспортная артерия – здесь имеется железнодорожный вокзал, а неподалёку морской, который связывал Владивосток с Азией и с Европой. У этих вокзалов были свои жандармы из состава Жандармско-полицейского управления

Уссурийской железной дороги. Они были предшественниками

Городовой

служащих Владивостокского линейного управления МВД России на транспорте. В обязанности жандармам вменялось отслеживание порядка на привокзальной территории. За железной дорогой, ближе к причальным стенкам, наведением порядка занималась уже речная и портовая полиция. Эти ведомства конкурировали между собой, но в любом случае оба следили за порядком, так как много «гастролёров» прибывало в город именно по железной дороге. Городовые – это бывшие военнослужащие, преимущественно бывшие унтер-офицеры и старослужащие солдаты, которые после службы в армии пытались устроиться на работу в полицию. Отбор среди них был жёсткий, но и «текучка кадров» в полиции тоже была высокая.

И одного только усердия полицейских было мало. В городе был организован полицейский питомник с собаками. Он был одним из первых на Дальнем Востоке и действительно позволял привлекать для «ищеек полицейских» собак-ищеек – настоящих бельгийских овчарок – для поиска украденного и розыска преступников. И документы свидетельствуют о том, что была одна героическая собака – не Мухтар или Джульбарс, а маленький, с хорошим нюхом пёс по кличке Флок. Он после обнаружения преступлений обнюхивал улики и шёл по следу, пока не находил краденые вещи. Эта собака пользовалась заслуженной славой. И она была не единственная такая в питомнике, поэтому появился новый

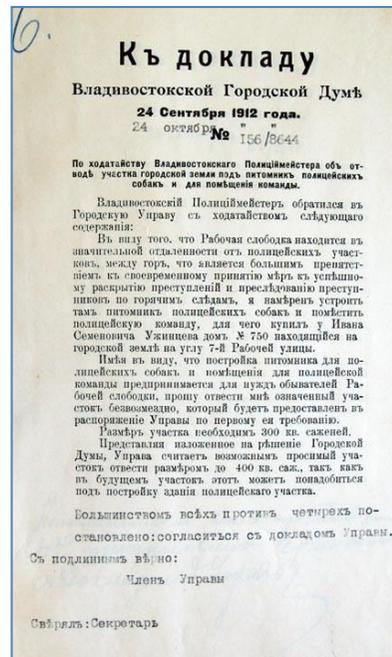
вид полицейских – проводники служебных розыскных собак. Уже тогда собаки были очень подготовленные, а сейчас у нас есть четвероногие помощники, натренированные на наркотики и взрывчатку. В притонах на Семёновской собаки находили порой довольно большие партии наркотиков.

Среди преступников того времени были и те, кто приезжал во Владивосток по железной дороге, под чужими именами и по чужим или поддельным паспортам. Существовали розыскные карточки, и станционный жандарм должен был держать у себя в уме информацию по разыскиваемым преступникам и вести наработку информации по тем лицам, по которым были разосланы циркуляры. «К вам по агентурным данным выехал такой-то беглый каторжник или ссыльнопоселенец», – такая информация приходила, и в ней приводились все параметры разыскиваемого – рост, вес, особые приметы, вплоть до фотографии. У Владивостокского сыскального управления тоже имелась подобная картотека.

В фильме «Рождённые революцией» было показано, что, в первую очередь, после Февральской революции уголовники, которые некогда сидели в тюрьмах, пошли на штурм сыскальных управлений и охранных отделений, где на них были заведены карточки, дела и хранился иной компромат. Им надо было уничтожить компрометирующую их информацию. Попытка такого захвата была и во Владивостоке в марте 1917 года, но она оказалась безуспешной.

Система картотеки на преступников в тот период времени была уже достаточно развита, брались ещё отпечатки пальцев, а это было уже следующим шагом в развитии полицейского дела здесь во Владивостоке и в Приморье. Подробно описывалось, за что человек задержан и привлечён, например: «27 августа 1908 года задержан за вымогательство денег. Русский, ополченец второго разряда».

Чем заканчивали те, которые промышляли в «тёмном» Владивостоке по ночам и не только? Тюрьму с окнами, выходящими тогда на Николаевский, а ныне Партизанский

проспект, построили ещё в далёком 1904 году. В районе стадиона «Динамо» находилась улица Тюремная. Она так называлась, потому что у местных купцов было арендовано два находившихся на ней больших здания, и в одном из них содержалось порядка 98 заключённых, в другом – немного больше. Там же, естественно, располагался караул, столовая. Но в 1898 году одно из зданий сгорело, и заключённых были вынуждены перевести в более современную Хабаровскую тюрьму. При содействии Главного тюремного управления в Санкт-Петербурге Владивостоку были выделены большие средства на строительство нового «тюремного замка» – это было общепринятое название тюрьмы – в районе Николаевского (ныне Партизанского) проспекта. Когда после поражения России в войне с Японией наши войсковые части начали выезжать из Манчжурии и прибывать, в том числе, и во Владивосток, в ней временно разместили военнотюремных. В октябре 1905 года в городе возникли вооружённые беспорядки, так называемое восстание. В ходе этого восстания солдаты, которые проживали в тюрьме, устроили бунт и подожгли её основной корпус. Новое основное здание сгорело. Опять же были выделены деньги на восстановление, и только в конце 1907 – начале 1908 года тюрьма приняла своих настоящих первых постояльцев – заключённых.

Эффективность деятельности полиции всегда определялась по количеству задержанных, арестованных и осужденных лиц, понёсших законное наказание.

Генрих Лединг

Среди тех, кто стоял на борьбе с преступностью Владивостока, выделялся полицмейстер города Генрих Лединг – подполковник, который в самом начале Первой мировой войны ушел с этого поста на фронт и получил звание полковника. В 1903 году Лединг служил полицмейстером Порт-Артура и у него там были разветвлённые связи с китайцами. И где-то с конца декабря 1905 года он стал исполняющим обязанности, а потом и

полицмейстером города Владивостока. Лединг – заслуженный боевой офицер, награжденный орденами, но в условиях нашего города он создал свою агентурную сеть из приближённых ещё по Порт-Артуру китайцев, которые работали у него там переводчиками. И есть факты, что он получал от китайского торгового сообщества и китайских торговцев – за нелегальные банковки, опиекурильни и т. д., взятки. На него было заведено уголовное дело, часть материалов из которого находится в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока. Брал ли полицмейстер взятки или нет? Следствие пыталось это выяснить. Но в 1915 году Лединг добровольцем уезжает на фронт, получает звание полковника, и дело прекращается. Но те материалы следствия, которые есть в архиве, доказывают однозначно, что, если бы он не ушёл добровольцем, то в этой тюрьме ему бы и сидеть.

Практически аналогичный случай произошел с выпускником Восточного института, а в последствие с известным исследователем Маньчжурии, автором интереснейших книг – Павлом Васильевичем Шкуркиным. Павел Шкуркин с отличием окончил институт в 1903 году, хорошо знал китайский язык. Он был назначен помощником полицмейстера Владивостока, где ему было поручено заниматься делами торговых общин китайцев во Владивостоке. Естественно, у него было своё окружение из доверенных лиц китайской национальности. Он создал свою систему, которая работала с 1901 по 1903 год. Следствие выяснило, что только за последние полгода со всех китайцев, которые держат незаконные банковки по Семёновской, в районе Миллионки или вне её, ему собрали 4 тысячи рублей. По тем временам – это достаточно хорошие деньги. За опиекурильни – была собрана другая сумма, за дома терпимости – третья. Из материалов дела следует, что возмутились сами китайцы, когда с них начали требовать ещё и дополнительные средства. А жизнь во Владивостоке действительно всегда была дорогая, поэтому и криминальный мир у нас был такой интересный. Китайцы обратились к военному губернатору, началось следствие.

КНИГА-БИБЛИОТЕКА-УЧЁНЫЙ

Прекращено оно было в связи с тем, что Шкуркин ушёл в 1904 году на фронт, на Русско-японскую войну. Дальше – у него сложилась успешная карьера, и с полицией он уже никогда не был связан. После Русско-японской войны он остался служить в Манчжурии, где жил под Харбином и занимался в 1920–1930 годах своим любимым делом – исследованием природы, часть его работ была посвящена тиграм.

Лев Тауц

Ещё один помощник полицмейстера в 1914–1915 годах, а в 1915–1918 годах – полицмейстер г. Владивостока и начальник милиции Хабаровска, ходивший по краю, – Лев Тауц. Сохранилась фотография, на которой он изображён и как полицмейстер Порт-Артура, где у него была установлена дружба с своим предшественником на посту полицмейстера Ледингом, но во Владивостоке она закончилась. Здесь каждый из них подсаживал друг друга. Этот человек избежал обвинения во взятках во время службы. А уже в первые годы советской власти на его квартире был сделан обыск и найдена достаточно крупная сумма денег. Но

дальнейших действий против него предпринято не было и он продолжал свою службу. Но не пойман – не вор, а кроме этого факта, больше ничего на него найдено не было. Эта тёмная сторона городской жизни, но она, отнюдь, не означает, что все полицейские брали взятки.

Вот ещё один документ, показывающий нелегкую службу полицейских. Владивостокский полицмейстер докладывал военному губернатору Приморской области 31 августа 1911 года: «Служба городских в большом приморском городе, со сто тысячным населением и огромной территорией, весьма тяжела. Помимо постовой службы на улицах на городских возложено окарауливание арестного дома, в котором за 8 месяцев текущего года обернулось 65 тысяч арестантов; конвоирование их при вызовах к судебным властям; участие в почти ежедневных

полицейских обходах, вызываемых большим количеством преступного элемента среди пришлого населения как русского, так и, в особенности, жёлтого; несение службы при полицейских управлениях, при камерах мировых судей и прокурора; командировки вне пределов города для поимки хунхузов и преступников всякого рода. Одним словом, как установлено опытом, городской несёт службу в среднем от 15 до 18 часов в сутки. В праздники, когда всё рабочее население города отдыхает, служба чинов полиции, в особенности низших, становится наиболее трудной и беспокойной. Нет сомнения, что на службу надо привлечь лучшую часть из уволенных в запас армейских чинов, грамотных и дисциплинированных унтер-офицеров. Запасные унтер-офицеры воспользовались принятием на службу городскими лишь как средством остаться на жительство в крае. Они постепенно подыскивают себе более спокойную и лучше оплачиваемую службу, и оставляют таковую в полиции. Так из городских, принятых в ноябре прошлого 1910 года – из прошедших специальную школу, учреждённую для них, осталось всего 17 человек, остальные ушли». И далее пишет: «Это заставляет их искать дополнительные заработки, используя служебное положение». О «заработках» некоторых чинов полиции уже написано выше...

И возвращаясь к вопросу о том, написаны или не написаны страницы «Тёмного Владивостока», можно сказать, что они были просто вписаны в историю нашего города. По крайней мере, уголовный мир был, борьба с ним велась, и не так уж и плохо, о чём и свидетельствуют приведённые выше цифры и факты.

Можно предположить, что книга кого-то из местных исследователей об уголовном мире старого Владивостока все же когда-нибудь увидит свет в XXI веке.

Фото из личного архива А.М. Буякова